

УДК 130.2 123.4

*Вера Мовчан***ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННЫХ РЕАЛИЙ (ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

У статті розглянуто специфіку духовного досвіду людства, закріпленого у формах культури й визначеного у собі як формуюче начало духовного світу особистості.

Ключові слова: культура, моральність, цінність, духовність, особистість.

Мовчан В. С. Феномен культуры в контексте жизненных реалий (имагологический аспект). В статье рассмотрена специфика духовного опыта человечества, закрепленного в формах культуры и определенного в себе как формирующее начало духовного мира личности.

Ключевые слова: культура, нравственность, ценность, духовность, личность.

Movchan V. S. Cultural Phenomena in the Life Realia Context (Imagological Aspect). The article deals with peculiarities of spiritual experience of humanity found in the forms of culture representing a starting point of personality's spiritual world.

Key words: culture, morality, value, spirituality, personality.

Постановка научной проблемы и её значение. Духовный кризис современного общества, нашедший выражение в дегуманизации искусства, образования, социальных отношений, в которых личность оказалась не защищенной перед стихией асоциальности, актуализирует вопрос о возможности гармонизации жизни и ее фундаментальных оснований в формах культуры, то есть человечески значимого – духовно ценностного ее содержания. Деструктивные начала в содержании и способах выявления культуры ставят перед необходимостью осмысления степени их негативного влияния на общую духовную атмосферу отношений человека с миром и отношений человечества с самим собой. В современном мире культура теряет себя в своей сущностной определенности: творчество нравственных отношений, объективированных в научном знании, имеющем достоверность истины, в эстетических и художественных ценностях, опредмечивающих мир в формах совершенства.

Названные деструктивные явления правомерно вводить в границы понятия «культура», поскольку оно, как известно, фиксирует и закрепляет специфически человеческую разумную деятельность,

предстающую одновременно явлением формирования человека содержанием деятельности. Поскольку формирование – это способность, присущая лишь человеку как субъекту выбора, культура – продукт истории, то есть сознательных личностных усилий. Иное дело, что она не всегда поднимается до уровня, на котором усилия общества и человечества соответствуют понятию «культура», то есть не всегда имеют качественно определенное – духовно-содержательное наполнение.

В современной науке проблема качественной определенности отношения к миру концентрируется преимущественно вокруг культуры научного поиска истины. В этой связи актуализируется вопрос нравственности подхода к предмету познания как необходимое условие и предпосылка движения к истине, то есть исследовательская мысль сосредоточена на методологии научного поиска (см., например: [1; 2]). Исследуются также пути поиска истины, в которых важным видится удержание логики жизненности предмета познания в качестве цели, а не вынесение практической необходимости в ранг цели – истина видится объективированной в системе научного знания жизненностью предмета познания [10; 8]. Вопрос гуманистической целенаправленности науки и нравственной ответственности ученого за результаты научного поиска – не менее актуальная проблема научного осмысления [11; 12]. Значительно менее разработанной остается проблема смыслового наполнения содержания культуры в ее конструктивном или деструктивном влиянии на духовный мир личности, а тем самым и на жизнь человеческого общества в целом.

Задача данной статьи – анализ смысловой определенности и содержательной глубины понятия «культура», в котором человеческие сущностные силы объективированы в духовно значимых символических формах, образующих специфически человеческую жизненную среду как источник и условие движения человечества по восходящей – в направлении гуманизации мира «человек».

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. В связи с качественной определенностью понятия «культура» в ней необходимо четко дифференцировать смысловое наполнение и значимость в процессах духовного развития человечества. Методологическим принципом анализа проблем культуры является положение Э. Кассирера о формирующей сущности духа как продуцирующего начала *идеи бытия*, являемой в качестве

культурной формы в идеях и образах. Данный процесс философ характеризует как способность интеллектуального синтеза, целью которого является включение особенного в универсальную форму законосообразности и упорядоченности, составляющий саму сущность познания. Процесс объективации видится характерным не только научному познанию, но и иным способам возвышения особенного до уровня всеобщего. Любую функцию духа роднит с познанием изначально *творческая* сила, а не только способность к воспроизведению. Это «энергия духа, придающая простому наличному бытию определенное «значение», своеобразное идеальное содержание» [7, 15]. В самобытных образных мирах живут не только познание, но и искусство, миф, религия. Они не столько отражают эмпирически данное, сколько *порождают* его *по определенному принципу*, создавая особые символические формы, конституирующие свои особые стороны действительности [7, 15]. Логические образы мира в системе научного знания, образный язык искусства и мифологии – материал и необходимая питательная почва для жизни сознания и объективации его субъектом в формах культуры мыслительной деятельности, творческого формирования образа мира в различных видах специфически человеческого отношения к миру. То есть культура – это процесс создания смыслового поля символических значений, отражающих объективные законы жизненности мира и тем самым образующих необходимое условие жизни человеческого духа.

По традиции, истоки которой заложены культурой греческой античности, основными сферами духовного опыта, утверждающими сущностную определенность духа в его способности продуцировать идеи форм, предстают: искусство, философия, нравственность. Греки видели качественную реализацию человеческих способностей в нравственном способе самоосуществления, утверждая тем самым, что реальность формирования культуры чувств с помощью искусства и философской рефлексии над бытием (Платон) раскрываются в качестве реальности человеческого духа в *нравственном самоосуществлении* во всех сферах деятельности: в научном познании, художественном творчестве, творчестве общественности отношений в соответствии с принципом меры.

В классической немецкой философии этот ценностный ряд выстраивается несколько иначе: искусство, религия, философия [4, 382–383]. В философии Гегеля целостность духа развернута во всем много-

образии форм его являемости. Связь разных сфер жизни духа осуществляется системой символического языка, отражающего смысл явлений, вхождение в мир которых и составляет основу жизненности духа. Жизнь духа в формах искусства, научного познания, мифологического и религиозного опыта – атмосфера, в которой только и может формироваться индивидуальное сознание, восходя в своем развитии ко всеобщему в духовном опыте. Гегель в «Феноменологии духа» емко определил диалектику объективного и субъективного в самодвижении духа к истине о мире и истине о себе-мыслящей субстанции: «...Свідомість, з одного боку, – це усвідомлення об'єкта, а з другого – самоусвідомлення, усвідомлення того, що є для неї істиною і усвідомлення свого знання про істину» [3, 76]. Следует подчеркнуть, что данная закономерность, как характерная для жизни сознания, реализуется своим богатством и осуществляется в формах культуры в зависимости от своеобразия являемости всеобщих начал жизни духа в особенных формах искусства, религии, философии, науки. Процесс *творчества культуры* предстает как *вхождение субъекта в пространство духовного опыта*. Овладевая им, субъект наполняет опыт личностным смыслом в формах всеобщего, то есть символического языка культуры.

В названном контексте культура – явление творчества специфической *духовной реальности*, для которой «первичная» реальность – объективный мир – материал для разворачивания жизненности духа, для полноты его самоосуществления, условием которой является проникновение в законы жизненности мира, на основе все возрастающего углубления в истину благодаря тому, что внутренняя форма жизненности духа «определяет внутреннюю форму бытия» [7, 12]. В контексте процесса становления жизненности духа актуализируется проблема культуры как подчинения стихийной жизненности чувственных начал в человеке законам, присущим жизни духа. Данную проблему можно характеризовать как процесс перехода глубоко чувственной реакции на мир на уровень формирования целостного *чувственного образа* реальности, который представляет собой сформированную и подчиненную духом чувственность [7, 23]. Чувственная видимость отделяется от эмпирической реальности, то есть *сознание строит мир*, вкладывая его бытие в *идеальные формы*. Овладение субъекта отношения этими идеальными формами – необходимое условие вхождения в *специфически человеческую сферу*

жизненности, специфический способ бытия. Сложности данного процесса раскрываются той противоречивостью, что характерна для исторического движения культуры в диалектически противоречивой связи реальности и идеала.

При этом само понятие «культура» в его *качественной определенности* раскрывается с точки зрения содержательной глубины, отвечающей понятию «истина», а тем самым значимостью для формирования творческой личности – субъекта культуры. Скажем, искусство, как отмечает Гегель, высшей и истинной своей формой имеет человеческую, «потому что только в ней дух может иметь свою телесность и тем самым свое наглядное выражение» [4, 384]. Философия, представляющая согласно Гегелю, единством искусства и религии, есть явление восхождения от простого духовного созерцания «до мышления, обладающего *самосознанием*» [4, 393]. Каждая из сфер жизни духа являет таким образом новые грани его полноты и ценную в себе истинность его жизненности.

Современная культура, утрачивая ориентации на нравственное начало, реализуемое в формах утверждения специфически человеческой – общественной сущности в качественно определенном – гуманистическом отношении к миру, все более отдаляется от способности видеть духовное, творческое начало в человеке самоценным, определяющим специфику вида «Человек». Тем самым культуру с точки зрения ее содержания и смыслового наполнения правомерно подразделять на два основных типа. Первый – это культура в виде обработки, упорядочения человечеством мира вокруг себя путем создания идеальных образов реальности, а также объективации их в практическом формировании предметности как реальной среды для жизненности сознания. Это необходимое условие формирования мира «Я-личности» содержанием культуры в формах *совершенства*. Реальным выражением творческого характера процесса является богатство форм духовного опыта, отвечающего понятиям «истина», «добро», «красота» и создающего специфически человеческий способ бытия. Отношения с миром в нем определены законами жизненности этого мира, а отношения между людьми законами специфически человеческих – духовных связей, в том числе и отношения человека с самим собой. Это культура, служащая *качественной организации* мира и человека – в формах *совершенства*, поднимающая личность над обыденным, повседневным к постижению *сущностных оснований*

жизни. То есть это культура, ориентированная на *идеал*. Таковой является классическая культура, образцы которой явили Древняя Греция, эпоха Возрождения и Просвещения в Европе XIV – XIX веков. Смысл культуры в этой ее качественной определенности – духовное становление и совершенствование личности, развитие полноты ее сущностных сил: совершенствование познавательных возможностей, гармонизация чувств, организованных идеалом совершенства, а тем самым единство интеллектуальных и психических структур, формирующее потребность субъекта культуры в истине и устремленность к ней как цели творческого самоосуществления.

Содержательная наполненность феноменов культуры, их смысловая глубина, отражающая истину в эстетически определенных образах искусства и понятиях науки, определяют духовно-формирующую сущность культуры. Истинность содержания и смысловая ее глубина – источник формирования мира личности – субъекта творчества жизни в формах культуры. То есть культура, отвечающая критерию истинности ее смысла, содержательной глубине – это духовный «хлеб», питаясь которым сознание получает возможность совершенствования собственных структур для создания содержательно наполненного, отвечающего истине о нем образа мира, в закономерной являемости его феноменов. На этой предпосылке только и возможно творчество жизни, отвечающее истине о мире и истинности отношения человека с миром в предметно-практической – эстетической по смыслу и разумно-творческой по содержанию деятельности, то есть объективация действительности в научном познании, практически-нравственном формировании его и художественном творчестве. Названный тип культуры – не только идеальная модель, но, как мы показали выше, в определенной мере, также реальность жизни духа целых исторических эпох. Данный тип отношений «задается» спецификой жизненности социумов: доминированием в них идеи целостности и внутренне гармоничной жизненности природного мира и ценности человека как субъекта творчества культуры в формах совершенства.

Иной является ситуация, когда идея творческого самоосуществления личности теряется как цель, или же отодвигается на периферию отношений, разворачивая активность в формах стихии самоосуществления без четко определенной цели последнего. В связи со сказанным необходимо очертить некоторые особенности *второго* типа культуры в ее закономерностях и последствиях для общества и личности.

Культура, которую мы определили как второй тип, не ориентирована на духовное совершенствование личности и нравственные связи человечества с миром. Это деструктивная культура, содержание которой и способы являемости не связаны с идеей постижения истины о мире, не ориентированы на творчество в формах совершенства, не содержат в себе предпосылок для нравственного, в полноте общественной сущности являемого самоосуществления субъекта жизненности. Названный тип культуры разрушает психические структуры личности, настраивая сознание на конфронтацию с миром. Представляется, что данный ее тип не отражает природу человека, а лишь выявляет ненайденность путей и средств творчества жизни в нравственной ее определенности. Ограниченность идеи отношений, на которых строится жизнь общества, обрекает на ограниченность в понимании целей и средств самоосуществления.

Там, где утверждение нравственных начал в человеке представляло подлинным смыслом деятельности, что, к примеру, присуще культуре Древней Греции, или же там, где творческие способности виделись выражением человеческих сущностных сил, как это характерно для культуры Возрождения, там они получали стимул к развитию и культура реализовала себя в адекватных своему содержанию формах совершенством способов являемости субъекта жизненности. Данная закономерность раскрыта Э. Кассирером как явление восхождения сознания общества от эмпирического уровня представлений о мире к постижению целостности его бытия в единстве чувственной данности вещи и ее смысла, то есть поднятие до уровня «духовного воззрения» [6, 125].

Отход культуры от человека как целевой причины общественной жизни определяет развитие ее преимущественно в формах стихии. Последняя, как ни парадоксально, обусловлена потребностью человека реализовать себя в контексте наличного культурного опыта. Трагизм ситуации в том, что потребность субъекта в самоосуществлении не поднимается до уровня творчества культуры вследствие неудовлетворительности выполнения последней своего прямого предназначения: формировать субъекта духовности отношений с миром. Демократизация культуры, представшая самоценной в постклассическую эпоху, в эпоху постмодерна, развиваясь в формах отчуждения от истины в познании, от эстетического в формировании, от нравственного в отношениях, предстает в виде стихийной активности

суб'єкта, откровенно демонструючого собственную духовную ограниченность. Последнее особенно опасно, поскольку активность видится субъекту самоценной безотносительно к качественной ее определенности. Утверждаемая в таком статусе при отсутствии жизненности духа, активность в пространстве посткультуры представляет собой торжество материи жизни над жизнью духа. При отсутствии четкой ориентации на духовные, то есть специфически человеческие качества в человеке, культура захлебнулась в вакханалии культа телесного начала, пронизавшего собой практическое формирование, в котором природа предстала лишь «материалом» и подверглась стремительному разрушению. Себя человечество увидело лишь телесным бытием и интересным в себе видит лишь тело в различных способах являемости его жизненности, безотносительно к понятиям: нравственное, эстетическое, разумное начала жизни. Отвоевывая себе жизненное пространство, псевдокультура подвергает дискриминации культуру в ее качественной определенности, профанирует истину в науке, красоту в искусстве, нравственность в отношениях [9].

Иным аспектом этой же проблемы явилась самодостаточность субъекта активности, которого правомерно назвать мещанином и который каждую, в том числе неморальную, внеэстетическую и неправовую форму являемости себя миру видит целиком допустимой, демонстрируя свою ограниченность как истину о человеке. Правомерно утверждать, что это культура, не только не организована нравственностью, но носит выражено конфронтационный, враждебный характер истинно человеческому содержанию культуры. Деструктивный смысл псевдокультуры как феномена в том, что она разбалансирует духовные структуры субъекта отношений, вступающего в общение с псевдокультурой. Она отрицательно влияет на психику, на мышление, на сознание личности, рождая агрессию, эмоциональную неустойчивость, настраивает на конфронтацию с миром.

Деструктивная культура тем не менее ценна как опыт, который должен быть освоен, пережит человечеством во избежание попадания в ее «силовое поле», поскольку в историческом движении общества возрастает опасность деструктивного действия этого типа культуры. Актуальным видится создание *культуры реагирования* общества на явления псевдокультуры. Ее необходимо знать, освоить ее истоки и причины, способы выражения, чтобы уметь противостоять ее деструктивному влиянию на общество и личность. Необходимо при

этом, чтобы разум и чувства личности были сформированы культурой в той ее качественной определенности, каковой является *культура как творческий дух*, реализующий себя в виде совершенства в смысловой содержательности и богатстве способов самоосуществления. В свою очередь, реальностью названный уровень культуры способен предстать лишь благодаря созданию в обществе духовного климата, питающего потребность личности в истине, добре, красоте. Представляется в этой связи важным удерживать в общественном опыте классическое понимание смысла и назначения культуры: концентрация духовного опыта в его *качественной определенности* – источника, питающего духовный мир личности.

Данная проблема в истории философско-культурологической мысли рассматривается как проблема организации человеческого духа нравственно определенным содержанием культуры, поскольку, все, что не есть природность как таковая, представляет собой культуру, то есть организацию материальной и духовной жизни, а также организацию человека в качестве творца культуры в виде историей детерминированных форм ее совершенства. Актуальность нравственного подхода к культуре, в том числе в формах активного вовлечения ее сокровищ в становление духовного мира личности, – это способ организации жизни на нравственных началах, т. е. в качестве истинного способа человеческого бытия. Формирование истинного образа человека – образа человеческих начал в человеке – возможно лишь при активном освоении смыслового поля культуры, с тем, чтобы творческий дух способен был являть себя в своей неповторимости как истину о человеке. Все иные стимулы, как внетворческие и вненравственные, чужды смыслу культуры и вредят истине ее жизненности – в формах совершенства. Гений и талант живут творчеством, независимо от сферы применения человеческих сущностных сил, а потому вхождение в мир их творческих сил, объективированных в результатах творчества, – наиболее эффективный источник развития творческих потенций субъекта нравственного общения с духовными ценностями.

Философы, ставя вопрос о развитии творческой мысли в формах культуры научного познания, в нравственном и эстетическом отношении к миру, то есть творческих начал жизни духа, видят их взаимно обусловленными и в этом смысле формируют идею *целостности* духа. Характерно, что Кант, разработавший законы логи-

ческого познання, в «Критике чистого разума» підкриває: познання згідно ідеї не являється самоцілью, оскільки такою передбачає *моральное развитие и совершенствование человека*. На риторический впрос: «Какоє применення можемо ми знайти для нашого рассудка даже в отношении опыта, если мы не ставим себе целей?» философ отвечает: «... высшие цели суть цели моральности, и познання их может быть дано нам чистым разумом» [5, 669–670]. При этом культура в ее нравственной значимости определяется не знанием фактов как таковым, а способностью разума находить закономерное в движении знаний, определяемое законами внутренне целесообразной жизненности природы, представляющей «материалом» для жизни разума. Более высокий уровень культуры познання философ ставит в зависимость от более значительной разработки *нравственных идей*. Культура разума, очистившего моральные понятия от случайного и второстепенного, и определившего в соответствии с ними единство целей, как акцентирует Кант, способствовала выработке культуры познання и культуры разума. Нравственные идеи «создали понятие о божественной сущности, которое мы считаем теперь правильным не потому, что спекулятивный разум убеждает нас в его правильности, а потому, что оно полностью согласуется с моральными принципами разума» [5, 670]. Обратим внимание, что культура видится как процесс творчества идей, согласующихся с законами разумного, где разумность предстает как единство жизни разума, служащего истине, нравственности и красоте. Суть его такова, что, даже постигнув понятие «первосущности», практический разум не должен из этого знания выводить нравственные законы. Философ подчеркивает, что внутренняя практическая необходимость этих законов привела к допущению «мудрого правителя мира», чтобы придать моральным законам действенность [5, 671].

То есть, культура, згідно Канту, – это и предпосылка, и цель, и результат самоорганизации познающего духа, ориентированного на истину в единстве логического, нравственного и эстетического. Культура – это организующее начало жизни духа, принимающего идею совершенства как истину жизни, ее подлинный смысл и ценность. В этой связи философ пишет: «До тех пор, пока практический разум имеет право направлять нас, мы будем считать поступки обязательными не потому, что они суть заповеди бога, а будем считать их божественными заповедями потому, что мы внутренне обязаны

совершать их» [5, 671]. При этом культура предстает как свобода самоосуществления, основанная на признании священным нравственного закона, которому учит нас разум, на основании наших поступков. Человек служит этому закону лишь тем, что «содействует высшему в мире добру в себе и в других» [5, 671].

Целостность отношений с миром, уложенная в формы нравственных связей, – основание культуры в формах человечности. Характерно, что мифологический период в истории человечества был периодом, когда формируются нравственные связи человека с природным миром и гармоничность их видится не только условием физического выживания социумов, но и эстетическим образом отношений с миром. То есть опыт культуры основан на начале всеобщего, что содержательно и по смыслу отвечает гармоничности связей с миром именно как *духовности* отношения, строящего образ мира в виде всеобщности связей в нем и адекватного отношения к нему социумов как совокупного человечества. Смысловая целостность образа мира, отраженная в мифологическом сознании, формирует также и мир субъекта отношения. В свою очередь, эстетический образ жизненности природного мира интуитивно воспринимается как модель жизни внутри человеческих сообществ и их отношений с природным миром. Отчуждение от образа гармонических связей с миром, парадигма которых задавалась жизненностью природных сил, окунает человеческие сообщества и каждого субъекта жизненности в ту неопределенность, при которой истиной о человеке видится то ли физическая независимость от других, то ли «привилегия рождения» – знатность происхождения, то ли имущество как выражение все возрастающей вульгаризации самой идеи человека и сущности человеческого. Эта форма опыта и способ его объективации не отражают истины воплощения человеческих сущностных сил в присущем им единстве познавательной, нравственной и эстетической способностей.

Выводи. Данная проблема ставит перед необходимостью выделения критериальных характеристик культуры. Подчеркнем, что они объективированы в личности в форме ее человеческих творческих способностей, реализуемых в названных формах самоосуществления в виде полноты и совершенства являемости человеческих сущностных сил. Как таковые они – реальный источник наполнения жизни подлинно человеческим творческим смыслом и, в качестве

такового, источник жизни духа каждого из субъектов культуры. Все иные, так называемые «функции культуры» – вторичны по отношению к названной, поскольку вне этих связей «всего со всем» сама жизнь духа была бы попросту невозможна.

Возвращение к целостности, но в формах нравственного отношения, основанного на знании закономерностей жизни природного мира и мира человека – таковой видится перспектива развития культуры на новом качественном уровне – уровне гуманистически ориентированной культуры, субъектом которой является творческая личность.

Список использованной литературы

1. Алексеев П. В. Наука и мировоззрение / П. В. Алексеев. – М. : Политиздат, 1983. – 367 с. – (Серия «Над чем работают, о чем спорят философы»).
2. Ващекин Н. П. Научно-информационная деятельность. Философско-методологические проблемы / Н. П. Ващекин. – М. : Мысль, 1984. – 204 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Феноменологія духу / Г. В. Ф. Гегель ; пер. з нім. П. Таращук. – К. : Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2004. – 548 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа / Г. В. Ф. Гегель ; отв. ред. Е. П. Ситковский. – М. : Мысль, 1977. – (Серия «Философское наследие»).
5. Кант И. Критика чистого разума : сочинения. В 6 т. Т. 3. / И. Кант ; под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М. : Мысль, 1964. – 799 с. – (Серия «Философское наследие»).
6. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление / Э. Кассирер – М. ; СПб. : Унив. кн., 2002. – 280 с. – (Серия «Книга света»).
7. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык / Э. Кассирер. – М. ; СПб. : Унив. кн., 2002. – 272 с. – (Серия «Книга света»).
8. Лазар М. Г. Этика науки. Философско-социологические аспекты соотношения науки и морали / М. Г. Лазар. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 126 с.
9. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма / Н. Б. Маньковская. – СПб. : Алетейя, 2000. – 347 с.
10. Медянцева М. П. Научно-информационная деятельность. Философско-методологические проблемы науки / М. П. Медянцева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1985. – 126 с.
11. Наука и нравственность / сост. Толстых В. И. – М. : Политиздат, 1971. – 440 с. – (Серия «Над чем работают, о чем спорят философы»).
12. Фролов И. Т. Этика науки. Проблемы и дискуссии / Фролов И. Т., Юдин Б. Г. – М. : Политиздат, 1986. – 399 с.